

нашлись стилистические приемы, чтобы образно описать нападение пиратов, но не удалось мысли изобразить последствия нападения: состояние людей, переживших ужасы, подвергшихся избиению и ограблению. Нужно было пройти векам, чтобы автор стал обращать внимание на положение и переживания простых людей. Иван Лукьянов, человек Петровской эпохи, уже иначе рассказывает о нападении арабов на паломников на пути в Иерусалим в 1702 г.:

«Посмотришь, везде стоит крик да стон, бьют, грабят; иной плачет: убит; иной плачет: ограблен. Везде гоняются за одним человеком арапов по десяти, по двадцати; многие коней и рухлядь покидали... Баб-то миленьких бьют! Пришедши, возьмет бабу-то или девку за ногу, да так с лошади долов волочит да бьет: „дай парá“. Бедство великое! От арапов — пощади, господи! Подобно что на мытарствах от бесов... Уже невозможно такой беды человеку от рождения своего видеть... Ужас по таборам, да стон стоит: иной без глаза, а у иного голова проломлена, иной без руки, иной без ноги; бабы-то плачут; у иного одежду отняли, у иного книги... Плач да крик стоит по таборам, ужас — пощади, господи!»⁴⁸

У Лукьянова изображение бедствия живее, проще, реалистичнее, чем у Зосимы, и в этом сказался общий прогресс современной автору русской литературы. Описание Лукьянова — это отзвук эпохи Повести о Фроле Скобееве и других повестей с их интересами к судьбе рядовых людей.

С. П. Розанов во введении к «хождению» Ипполита Вишенского ставит вопрос о сравнении и об определении различия между паломниками допетровскими и Петровской эпохи; к последней относится Вишенский, не закрывающий глаз на явления, не имеющие прямого отношения к религии. Изменение интересов в паломнической литературе было следствием иного отношения к людям, определившего к концу XVII столетия. Д. С. Лихачев говорит по этому поводу: «Новое отношение к человеку было одним из проявлений постепенного процесса нарастания реалистических элементов в литературе. Период крестьянской войны и польско-шведской интервенции способствовал огромному накоплению опыта социальной борьбы во всех классах общества. Именно в это время вытесняется из политической практики, хотя еще остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека».⁴⁹

Если в допетровском «хождении» простой человек попадал в центр внимания, то этим преследовалась исключительно религиозно-назидательная цель, что находило отражение также в названии произведения. Таково «Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары» (1634—1637 гг.).⁵⁰ Редактор «Хождения» С. О. Долгов, установив две редакции памятника, утверждал, что одна принадлежит самому Гагаре, другая, более церковная по стилю, представляет переработку первой. По моему мнению, обе редакции следует признать переработками. Если вторая редакция обнаруживает руку церковника, то первая свидетельствует об ав-

⁴⁸ Путешествие в святую землю священника Лукьянова — Русский архив М., 1863, вып. 3, стр. 251, 253—254. «Пара» — название монеты. М. И. Лилеев в статье «К вопросу об авторе „Путешествия во св. землю“ 1701—1703 гг., московском священнике Иоанне Лукьянове или старце Леонтии» (Чтения в Историческом обществе Нестор-летописца, кн. 9. Киев, 1895, стр. 25—41) отождествляет Ивана Лукьянова со старообрядческим проповедником черным попом Леонтием, имя которого значится в нескольких списках «Путешествия»

⁴⁹ Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVIII в. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 232.

⁵⁰ Православный Палестинский сборник, т. XI, 3, кн. 33 СПб., 1891.